

НОВАЯ ЯРКАЯ ЗВЕЗДА ДЕТЕКТИВА

**Марина
СЕРОВА**

*Угнать
за 30 секунд*

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Дублерша для жены

«Научная книга»

Серова М. С.

Дублерша для жены / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Телохранитель Евгения Охотникова)

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Марина Серова

Дублерша для жены

*Как ты любил!.. ты пригубил
Погибели – не в этом дело.
Как ты любил!.. ты погубил,
Но погубил так неумело.*
Белла Ахмадулина

Пролог

- Привет, Алинка. Вот, решила позвонить.
- Что-то долго решала. За то время, пока ты не звонила, ребенка склепать можно. И родить.
- Склепать – дело недолгое. А ты как, не решила рожать? А то уже двадцать семь, все-таки пора бы, организмы у нас с тобой уже не как у восемнадцатилетних девочек.
- Знаешь что, Ирка? – В голосе говорившей проскользнула недвусмысленная гневная ирония. – Говори за свой собственный организм. Тем более что ты, кажется, опять подседа плотно. Ты же вроде как лечиться собиралась.
- Собиралась... Я уже и собралась, хорошенько так собралась, даже в диспансере попарились две недельки. А потом ко мне приехал Вилька Тугарин и уволок меня. Сходили в ресторан, потом в казино. Ну и покатилося. Вилька-то – он ведь тоже немного из тех... из которых...
- Вилька – это Равиль Тугарин, который в бригаде твоего брата Гены был раньше, а теперь в его охранном агентстве работает? Как оно называется, агентство-то? «Д'Артаньян», что ли?
- При чем тут армяне? Дартаньяна какого-то приплела... «Атос» оно называется.
- Ну и ладно, не все ли равно, как оно называется. Я о другом совсем. Значит, тебя Равиль обратно на иглу... Ты бы Гене сказала, брату своему, он бы этого Равиля мигом на ноль умножил.
- Да ты что, Алинка! Равиль – он классный. Такой, знаешь, уютный...
- Ну с наркотой кто угодно уютным покажется. Даже мой муж. Он, кстати, приехал в наш город кино свое новое снимать.
- Да ну?! Слушай, Алинка, а ты не могла бы... значит... по старой дружбе сказать ему... Ну что, мол, есть такая девчонка, Ира Калинина, что она актерское закончила и что, дескать, у нее все в порядке, все при деле... Может, и мне бы у него какая-нибудь роль нашлась?
- «Нашлась»... Пока что тебе только Тугарин находит... наркоту. Нет, ничего я Лео Лео своему говорить не буду. Он как тебя увидит, так дар речи потеряет от такой красоты неопишуемой. Пока, Ирка, не решишь вопрос с ширевом, пока, одним словом, не завяжешь, можешь считать, что никуда ты не попадешь. Да он и меня-то не больно берет. Своего пса, Сережку Вышедкевича, два раза уже отснял, правда, в роли каких-то ублюдков. А мне только улыбается... снисходительно так. Да в постель чуть ли не каждый день тащит, как молодой.
- И как он – в порядке?
- Говорю тебе – как молодой. Не хуже Лешки Лукина, кстати. Лешка, баран, что-то дуется на меня. К тому же его гримза так его пасет, что он и пискнуть без ее ведома не может. Вот ведь попалась ему жинка. А говорил: люблю, трамвай куплю... Взял да и женился, причем на старухе. Ей же сорок пять.

– А твоему Эллеру – чуть ли не пятьдесят пять! Он, конечно, знаменитость, тебе круто подвезло... но только зачем на Лукина бочку катить? У него жена тоже не последняя. Говорят, что у нее...

– Рейтинг слухов меня совершенно не интересует, Ирка. Говорят, что кур доят. Вот! А мой Лео-Лео еще лучше выражается: говорят, что в городе Рязани пироги с глазами – их ядят, а они глядят. Ладно, что звонила-то?

– Мне нужно на дачку скататься, а машина у меня сломалась. У Генки просить не буду. А Равиль сейчас – сиротинушка безлошадный. Разбил машину-то, под коксом был... – Ирка глупо хихикнула. – Совсем как в сериале «Бригада», где, помнишь, Космос ехал, ужабленный в хлам, а потом по кошке стрелял из пистолета?

– Дура ты, Ирка. Когда тебе машина нужна?

– Сегодня.

– Я сегодня собиралась к мужу на съемки за город. Он меня ждет. Правда, приболела я что-то. Ладно... перезвоню ему, скажу, что не поеду никуда. А ты когда тачку вернешь?

– А это смотря какую дашь. Я слышала, у тебя джип новый. Купила или муж с папенькой подарили?

– Подарили, – ответила Алина. – Только не муж и не папаша.

– А кто?

– Слава.

– Грицын, что ли? Ты же с ним больше... не того. Или он опять тебя... ха-ха!.. соблазнил?

– Да было дело. Пошла во все тяжкие. Лео-Лео застрял в казино... Он же вообще большой любитель бабки на игру просаживать, я еще по Москве и особенно по Баден-Бадену помню. Говорят, что он в Лас-Вегасе два миллиона долларов проиграл. Потом полгода на сухарях сидел. Не в буквальном смысле, конечно, но все равно. Это мне охранник его, Вышедкевич, однажды со злобы ляпнул. Ладно. В общем, муж застрял в казино, а мне на «трубу» скинулся Славик, говорит: прокатимся? У него был банкет по случаю презентации нового магазина-салона, ну он меня и пригласил. Датый уже был, конечно. Я поехала. Там твоего брата Гену встретила, его же контора охраняет все салоны Грицына, всю сеть... «Мадам Грицацуева» которые.

– А, ну да, и Вилька Тугарин в каком-то из грицынских салонов работает охранником.

– Конечно, он же у Гены Калинина, твоего братишки, в ЧОП «Атос» этом. Поехали мы с Грицыным кататься, и он вдруг спрашивает: хорошая машина? Я без задних подтвердила, что, мол, хорошая. А он – дарю, говорит. Я ему отвечаю: а что я, мол, отцу и мужу – особенно! – скажу. Славик начал ржать, прямо закатывался, а потом предложил эту машину в кино снять, чтобы она Лео-Лео тоже не чужая была. В общем, пришлось принять подарок.

– «Пришлось принять»... Дареному коню под хвост не смотрят.

– В зубы, Ирка, в зубы!

– Ну и я про то же. В общем, если дашь этот свой новый джипок, то я тебе его завтра верну. А если драндулет дашь, который «Фольксваген»...

– Этот я отогнала на стоянку. На фига он мне теперь? – Алина сделала паузу, видимо, обдумывая связанную с определенным риском просьбу подруги, а потом решительно произнесла: – Хорошо, можешь считать, что уговорила. Но... вот только попробуй разбить мое новое авто, и я тебя взгрею не по-детски. Поняла, Ирка?

– Яволь, фрау! Заеду к тебе за ключами.

– Я тебе их сама передам, потому что я сейчас собираюсь в косметический салон... В тот, знаешь, что напротив дома моего папаша...

Закончив разговор, Алина незамысловато-небрежным движением швырнула трубку радиотелефона на диван, на котором сама возлежала с видом первой и главной супруги калифа. Поднялась и взглянула на себя в огромное, от пола до потолка, трюмо. Алина вообще любила

рассматривать себя в зеркало. Можно сказать, что единственной ее слабостью в жизни была она сама. Потому малейшая простуда могла послужить поводом для отмены даже весьма важного дела, зато косметический салон был посещаем ею с аккуратностью и точностью швейцарских часов.

Она вглядывалась в свое отражение. Зеркало, боясь погрешить против истины, с величайшей точностью возвращало ее взгляду каждую черту, каждый штрих и каждый изгиб. В огромном трюмо «купалась» молодая, идеально сложенная женщина двадцати семи лет, с тонким лицом и короткими, оттеняющими изящество черт, каштановыми волосами. Большие глаза смотрели вопросительно и немного недовольно, как у королевы из сказки Пушкина, вопрошающей: «Я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?»

Молодая женщина, Алина, повернулась к трюмо в профиль, скосила глаза. Из зеркала плеснула теплая волна восхищения, и Алина выдохнула восторженно:

– Я!

* * *

Ничего подобного не могла сказать о себе Ира Калинина, которая двумя часами позже уселась, точнее, ввалилась в роскошный салон джипа Алины. А все потому, что подружка новой его хозяйки, хотя и являлась носительницей кое-каких женских признаков, но на женщину мало была похожа. Имея от роду двадцать восемь лет, Ирина Калинина была мала и худа и выглядела на восемнадцать – если не вглядываться в ее лицо. Она напоминала юношу-подростка с еще не определившейся фигурой, с узкими бедрами и узкими же плечами, только лицо этого «подростка» было серым и изрядно потрепанным жизнью, а глаза смотрели настолько неопределенно, что сложно было поймать их взгляд.

Сейчас Ира Калинина получила ключи от прекрасного нового джипа «БМВ» и собиралась ехать на нем за город. Машину она водила прекрасно, иначе Алина и не дала бы ей ключи. Ира могла ездить в пьяном виде, под кайфом, можно сказать, вслепую, на бешеной скорости, в тумане... как угодно!

Впрочем, по городу Ира вела машину осторожно. Дорога была скользкой, промерзшей, опасной. Ира знала, что наверстает упущенное время за городом, поскольку до дачи, где ее ждал Равиль, было около ста километров. И она предвкушала наслаждение скоростью. Наслаждение чистое, без побочных эффектов. Ира знала это и потому высоко ценила наркотик скорости.

Она скосила глаза: выездное гаишное КПП осталось позади. Теперь за огромной каменной стелой, с выложенными на ней полутораметровыми буквами, из которых складывалось название города – ТАРАСОВ, начиналось ее, Иры, время и ее пространство. Маленькая женщина увеличила скорость до ста десяти километров. Она обогнала несколько машин, и сейчас перед ней лежал совершенно прямой участок трассы, свободный от автомобилей.

Ира не спешила жать на педаль газа. Она проехала немного так на ста десяти, потом пару километров на ста пятнадцати, блаженно вздохнула и откинулась назад.

Джип уверенно набирал ход. Ира вынула из кармана заранее заготовленный шприц – «инсулинку», придерживая руль одной рукой. Сняла колпачок и, осмотрев предварительно пережатую жгутом левую руку, державшую руль, правой вонзила шприц под кожу.

Через несколько секунд, не вынимая «инсулинки» из вены, она опять откинулась на спинку водительского кресла, чтобы без остатка отдаться скорости. Кровь бурлила, свивалась штопором, раскупоривала ее, Иры, сущность, как бутылку выдержанного вина. Теперь надо медленно-медленно, как вдавить поршень в шприце, – увеличить скорость...

Сто тридцать на спидометре.

А хорошие у Алины мужики... Хотя и сволочи, конечно. Ей везет, но везет иначе, чем Ире. Ну и что? У каждого свое счастье, и нелепо переносить собственные критерии на другого человека. Ну что из того, что у нее отец – «шишка», муж – кинорежиссер и звезда, а любовники галантны, красивы и щедры? Заикливать свое счастье на одних людях – все равно что сидеть на огуречно-морковной диете, не смея прикоснуться к мясному...

Уже сто тридцать пять, а стрелка тянется к ста сорока.

...А как интересно заглянуть в себя... Там, внутри, как в компьютерной игре, открываются пласт за пластом и всплывают не изведанные доселе уровни. Level 1: Познай себя. Level 2: Пойми себя. Level 3: Уничтожь себя...

Сто сорок.

...Третий уровень оторвался, как огромная тектоническая плита, как край ледника, как крик в глазах сумасшедшего. Ира широко улыбнулась. Сломанной каруселью заскакали перед ее взглядом лошадки, зайчики, слоники пламени... А потом все слилось в единый грохочущий ком в миллиарды пикселей разрешения. Ком прокатился, и по экрану скользнуло хроменькое, с отвалившейся последней буковкой: Game ove...

На скорости в сто сорок километров в час роскошный джип «БМВ», управляемый Ириной Калининой, взорвался и, окутавшись клубом туго свитого пламени, перестал существовать.

Глава 1

Нельзя сказать, что эта зима навевала новогоднее настроение. Холодные, бесснежные, словно выжженные ветром пыльные улицы, куда-то бегущие люди, завернувшиеся, как в толстые одежды, в бесчисленные свои проблемы, визг тормозов на промерзших дорогах, суета, скука. И только столбик термометра питал некоторую склонность к разнообразию в бесснежную и бессмысленную, голую эту зиму: минус пять – минус десять – минус пятнадцать – минус двадцать три.

И слышно было, как потрескивают от холода ветви деревьев.

Я не слышала, как тетушка гремела на кухне посудой, потому что зимнее утро наводило на меня непробудный сон. Чем холоднее на улице, чем неуютнее скребется в окно бродяга ветер, тем острее чувствуется комфорт и тепло родного дома. А утренний комфорт – и так не только у меня, знаете ли, – навевает сон.

Впрочем, надо не знать мою тетушку, чтобы не понять, что она все-таки вытащила меня из кровати. Не мытьем, в смысле – посуды, так катаньем. Вернее – катанием. Да-да, демонстративным катанием по комнате огромного кресла на колесах, вызывающего смутные ассоциации с аэропланом из двадцатых годов прошлого века.

– Сколько же можно спать? – ворчала она. – Времени уже одиннадцатый час, люди уже работают давно, а ты, дорогая моя, все еще дрыхнешь. Лежебока.

– Я же только недавно приехала, – отозвалась я. – Из Москвы... А там у меня был сплошной безумный день, или женитьба Фигаро...

– Да ты уже два дня как с самолета, так что не надо увиливать, – беззлобно сказала тетя Мила. – Все нормальные люди уже на работе и...

– Так это нормальные люди на работе, – парировала я, шурясь и потягиваясь, – а я в названную категорию никоим образом не вхожу.

– Вот уж точно, – проворчала тетушка Мила.

– Наверное, это у меня наследственное, – подпустила шпильку я.

– Ленишься ты просто, Женька, по-черному, – продолжала свои рассуждения тетушка. – Была бы ты приличным делом занята... А то – туда-сюда, дурдом сплошной! Ну что за занятие нашла себе такое – толстосумов охранять? Это что – женское дело?

Подобные монологи тетя Мила выдавала примерно раз в день. Правда, доходили они до меня с различной долей успеха. Порой я просто уходила из квартиры, едва тетушка бралась за любимую тему, порой ставила новый фильм и погружалась в волшебный мир, который открывал мой навороченный домашний кинотеатр.

На этот раз пришлось выслушать, что называется, от корки до корки. Накануне я задержалась в клубе и явилась домой уже под утро, что было расценено тетушкой как вызов обществу. Поясню – общество в нашей квартире представлено ею самой и огромным жирным котом, жившим здесь на правах единственного мужчины и главы семьи. Вообще же Людмила Прокофьевна, моя замечательная родственница, вполне переносимый человек, но...

Время имеет печальное свойство портить даже самые крепкие и благородные материалы. Рассудительность оно переплавляет в занудство и брюзгливость, бережливость усугубляет до жадности, а честность выпячивает до безразличного отношения к миру с позиции «вокруг одни воры, бандиты и проститутки, что тут делаю я, человек с принципами?».

Вот так и моя тетушка. За те несколько лет, что я прожила вместе с ней, она изменилась не в лучшую сторону. Находиться долгое время с одинокой стареющей женщиной на одной территории – вообще катастрофа. Угодить ей невозможно, убедить в чем-то – тоже.

Тетушка Мила взяла за правило каждый вечер, когда я бываю дома, произносить речь приблизительно следующего содержания:

– Вот, Женя, ты, конечно, сейчас молода и хороша собой, но на что ты тратишь себя? Ведь тебе уже двадцать девять лет, скоро тридцать. А ты до сих пор не была замужем и, как мне кажется, не собираешься. Но ведь ты бываешь в хорошем обществе и можешь найти себе достойного мужчину – честного, умного, обеспеченного, чтобы он любил тебя. Ведь, по большому счету, ты – хорошая, вот только эта твоя неумность... – Тут тетка обычно приспущает очки на кончик носа и строго взглядывает на меня уже поверх них. – Ты существуешь по принципу алкоголика: запой, в твоём случае – работа на износ, то есть бессонные ночи, максимальное напряжение, а потом – неделя, если не месяц, ничегонеделания. Лежишь, как ленивая кошка, вместо того чтобы хоть попытаться устроить свою личную жизнь.

– Что же ты мне предлагаешь, тетя Мила, ходить по городу с плакатом «Ищу хорошего жениха»? Так, что ли?

– Нет, ну вот зачем же так сразу передергивать? И разве обязательно здесь, в этом городе? Ты ведь, случается, выезжаешь и в Москву, и в Петербург, и за границу... Могла бы там познакомиться. Тебе же, например, предлагал пожениться этот, из Питера... Саша, кажется.

– Ага, помню. Он тебе понравился, тетушка, – кивнула я. – Только он потом оказался наемным убийцей.

– Ну что ж я сделаю, раз у тебя такие знакомые? – всплеснула тетка Мила руками. – Всякие разные бизнесмены, банкиры, воры и убийцы даже. Нет бы по-простому, по-человечески...

– По-простому – это с хлеба на квас, что ли? Ты же сама говоришь все время, что твоей пенсии хватает только на то, чтобы платить за квартиру. Живем-то мы на деньги от моего «безделья»!

– Нет, я ничего не говорю, платят тебе хорошо. Но нужно ведь постоянно чем-то заниматься, а не от случая к случаю! Устроилась бы, к примеру, в хорошую фирму...

– ...Например, секретаршей, – продолжила я, – просиживала бы там юбки или брюки, получала бы три тыщи рублей в месяц. Очень хорошо! А в мужья я должна, если тебя послушать, взять какого-нибудь толстого директора, в высшей степени положительного, который, правда, имеет на стороне три любовницы и пять детей. Зато он будет носить громкий титул «законного супруга». Нет, спасибо! Я уж как-нибудь сама разберусь со своей личной жизнью.

– Ты уже вон сколько собираешься...

Подобные рассуждения, конечно, выводят меня из себя. Несколько раз я даже порывалась купить себе отдельную квартиру, благо иных разовых гонораров вполне на это хватило бы. Но всякий раз я отказывалась от этой мысли, понимая, что в любом случае никуда мне от тетушки не деться и все равно она будет донимать меня подобными разговорами. Потому что, собственно, больше ей делать особенно нечего.

Несколько раз в моей жизни действительно были ситуации, когда я хотела выйти замуж и положить таким образом конец своим занятиям абсолютно неженским ремеслом, которому пока я посвящаю и время, и силы. Муж точно не позволил бы мне продолжать работать. Но возникала неразрешимая проблема: мне не хотелось, чтобы мой муж был подкаблучником, а при моем характере и при моей физической подготовке это либо неминуемо произошло бы, либо... никакой семьи не получилось бы. Работа и семья – это как бы два полюса. Между прочим, я знавала одного образцового семьянина, который работал сначала киллером, а потом начальником службы безопасности у мафиози, хотя, в принципе, последняя должность подразумевает то же самое, что и предыдущая, только в больших масштабах. А жена его была в прошлом проституткой. И вот в этой первичной ячейке общества росли две дочки – самые ангельские создания, которых я когда-либо видела. И как папа с мамой их воспитывали! Куда там Макаренко с Ушинским...

Но такая семья – скорее исключение, лишь подтверждающее общее правило, что у людей экстремальных профессий часто имеются проблемы личного свойства. А моя профессия – элитный телохранитель – «личник» – относилась именно к такой категории профессий.

– Между прочим, – сообщила я тетушке неожиданно для самой себя, – вчера ко мне в клубе подошел мужчина – трезвый! – и предложил руку, сердце и прочие органы плюс личный лимузин в придачу. И все это только за то, чтобы я с ним потанцевала.

– И что? – довольно равнодушно осведомилась тетушка.

– Потанцевала! Правда, у меня было такое предчувствие, что танцевала я сразу с двумя мужчинами, потому что рядом с моим партнером синхронно топтался его телохранитель. Знаешь, кто это оказался?

– Кто?

– Эллер. Леонард Эллер.

– А кто это такой? Хотя постой... А, ну да, вроде математик.

– Ну вот... – протянула я, – математиком, тетушка, был Леонард Эйлер. К тому же он жил в восемнадцатом веке. А Эллер, с которым я танцевала вчера, жив, здоров и весьма упитан к тому же. Кстати, странно, что ты его не помнишь. Ведь кто, как не ты, не так давно усиленно им восхищалась? Именно ты говорила, что такие, как он, движут вперед нашу культуру.

– погоди... это который Эллер? Кинорежиссер? Наш, из Тарасова, переехавший в Москву и там выдвинувшийся? У него своя киностудия... на «Оскара» номинировался... Это этот самый?

– Ну, по-моему, фамилия и имя достаточно редкие, чтобы встречаться на каждом углу. Кстати, тетушка, сначала я его в Москве видала. В одном клубе. У нас с ним появилась странная традиция – встречаться в клубах. Там, в Москве, смешно получилось: ко мне подошел молодой человек и назвал каким-то странным, певучим, явно не моим именем. То ли Изабелла, то ли Полина... что-то вроде того.

Я не сказала, что в ту ночь хорошо выпила, потому что мы отмечали с московской подружкой ее день рождения. Такие подробности совершенно излишни для тетушки.

– А потом оказалось, что этот молодой человек – охранник Эллера, – продолжала я. – В Тарасове же мне привелось и с самим Леонардом Леонтьевичем познакомиться.

– Но он же... личный друг Олега Табакова, Никиты Михалкова... да мало ли кого! Он Альфреда Шнитке знал. И с ним ты вчера танцевала?

– Совершенно верно.

Тетушка в который раз за это утро всплеснула руками:

– Да что же ты молчала? Как всякую ерунду, так рассказываешь по пять раз, а тут знакомство с самим Эллером! Ты хоть автограф у него попросила?

– Знаешь, он вел себя со мной так, что было похоже, будто он сам у меня вот-вот автограф попросит, – подбоченясь, лукаво сообщила я. А потом ответила на тетушкин вопрос: – Зачем мне автограф Эллера? Я ни одного его фильма не видала, а те его полторы роли в кино, что я одним глазком видала... не очень-то мне и понравились, честно сказать.

– Так для меня бы попросила! Леонард Леонтьевич Эллер – это же российская величина! А я и не знала, что он сейчас в Тарасове, – ахала тетушка, не в силах успокоиться после моего сообщения.

– И он долго еще будет в Тарасове. На днях приехал. Он тут свой очередной фильм снимает. То есть не весь фильм, а эпизоды для него. Ландшафт, говорит, подходящий. К тому же здесь его малая родина и тесть у него тут живет.

– Тесть?

– Ну да. Борис Оттобальдович Бжезинский. Слыхала?

– Ну как же! – Тетушка буквально расцвела. – Борис! Я Бориса Оттобальдовича с тех времен помню, когда он еще не был первым секретарем Тарасовского горкома партии. Да-да, бывали времена, когда и он не слишком гордый был. А теперь только слышишь – польская кровь, немецкая кровь, чешская кровь... Спеси во всех более чем достаточно появилось. А Борис Оттобальдович...

– Мне кажется, тетушка, ты ведешь националистическую пропаганду, – иронически заметила я. – Что еще за польско-чешская кровь?

– Ну как же! Фамилия-то у него какая: Бжезинский. Из графов, польской шляхты предок был. А отчество – Оттобальдович, немецкое. И по отцовской линии у него чешская примесь есть. Он, помнится, любил пиво чешское и, когда его пил, все подмигивал и говорил, что это в нем чешская кровь играет. Я с ним познакомилась, когда мне лет семнадцать было. Погоди, – спохватилась вдруг тетушка, – а как же так выходит, что Бжезинский – тесть Эллера? Ведь, если мне не изменяет память, они чуть ли не одногодки.

– Вероятно, да. Только Леонард Леонтьевич твой хваленый – кобель, каких поискать. У него, по-моему, только русских жен штук пять или шесть было. А еще были шведка, американка и даже японка, кажется. Причем я только официальных жен считаю.

– Ну уж ты, Женя, скажешь, – засомневалась тетушка. – По твоему счету выходит, что у него чуть ли не десять жен было, так, что ли?

– И это не учитывая любовниц. Впрочем, человек он творческий, ему постоянно нужен стимулятор вдохновения... – Я пожала плечами. – Вот вчера он меня, вероятно, тоже использовал в качестве стимулятора. Только недолго. Я все-таки предпочитаю более молодых мужчин.

– Эллеру, если не ошибаюсь, около пятидесяти? – уточнила тетя Мила.

– Да, где-то так, – согласилась я.

– Ну вот что, Женька, – произнесла тетушка назидательно, – если ты увидишь Эллера еще раз, все-таки возьми у него автограф. А лучше купи его книгу – он, кажется, издал автобиографию, – и пусть он на ней распишется. Ладно?

Я снова пожала плечами:

– Это уж как получится. Может, ты его сама увидишь. На какой-нибудь презентации.

Тетушка заерзала в кресле и проговорила:

– Значит, Эллер женился на дочери Бориса Оттобальдовича? Так-так, понятно. Наверное, она молодая?

– Ничего не знаю, – сказала я и повторила по слогам: – Ни-че-го не зна-ю. Если ты так хорошо знакома с этим Бжезинским, то должна сама знать, сколько лет его дочери.

Тетушка тяжело вздохнула и произнесла:

– Да дело в том, что это могла быть и моя дочь.

– Что, прости? – резко повернулась к ней я.

– Я ведь два года встречалась с Борисом Оттобаль... с Борисом. Он меня лет на пять старше.

– Значит, сейчас ему лет шестьдесят.

– Да. Он тогда меня даже с родителями своими познакомил. Представляешь, я – простая студентка, живу в институтской общаге, а Борис приглашает меня к себе в гости. Его отец, Оттобальд Бжезинский, – генерал КГБ, руководил местными чекистами. Мать – холеная такая, лощеная, не работала. А по тем временам в домохозяйках могли себе позволить сидеть лишь жены крупных военных, от полковника начиная, и крупной партноменклатуры. Представляешь? Твой отец, мой брат Максим, тогда в лейтенантах ходил, а мой друг – сын генерала КГБ. Помню, пришла я к ним домой, они в центре, на Бахметьевской, в четырехкомнатной квартире жили, а там – ох! Белая кожаная мебель, стенка югославская, посуда чешская, техника... В общем, все! Я просто онемела. А великосветские манеры мамыши Бориса меня просто убили. Для нее положить вилку не по ту сторону тарелки было как уголовное преступление. А я с перепугу вилку от ложки отличить не могла и нож в левую руку взяла... Она потом сказала Борису: дескать, милая девушка Мила, но нам не пара. Она так и говорила: нам. Ну а что я хотела? Все равно не допустили бы. Борис, правда, гордый был, говорит: «Все равно по-своему сделаю, буду жить с ней в коммуналке, а вас не послушаю». Да гордость гордостью, а балован-

ный он с рождения был, балованный, капризный, ничего делать толком не умел, да и зачем ему было самому что-то делать? Над ним с пеленок мамушки-нянюшки носились. Так что, даже если бы с ним поженились, ничего бы не вышло.

– Понятно, – кивнула я, – мезальянс. Да ладно тебе, тетушка, что было, то прошло. У них, у этой знати, замкнутое общество, чужих туда не пускают.

– Это точно, – отозвалась она, – да я и не жалею. Поздно жалеть. Ладно. Пойдем лучше завтракать. Я блинчиков с мясом понаделала. Идем, Женя.

Но аппетитных блинчиков с мясом, до приготовления которых тетушка большая мастерица, я отведать не успела. Только мы уселись за стол, как зазвонил телефон. Тетя, как всегда, сама взяла трубку. Дело в том, что я никак не сподоблюсь приобрести аппарат с определителем номера, поскольку говорить хочу далеко не со всеми, кто звонит. Вот тетя Мила и выступает в роли живого определителя номера и плюс автоответчика.

– Да, слушаю, – услышала я теткин слова. – Квартира Охотниковых, вы не ошиблись. Евгению Максимовну? А кто ее спрашивает?

Я усмехнулась: въедливая тетушка никого не допускает до моей персоны, не разведав все от и до. Кстати, для особо заветных друзей у меня имеется сотовый, чтобы миновать цензуру в лице любезной Людмилы Прокофьевны.

В этот момент из прихожей, где она говорила по телефону, раздались грохот, звон разбитого стекла... Привыкшая мгновенно реагировать на авральные ситуации, я вскочила из-за стола и ринулась на шум.

Что за чепуха? Уж не ворвался ли к нам пьяный сантехник дядя Гриша из соседнего подъезда, который постоянно принимает нашу квартиру за свою. Однажды он даже взял ключи у тети Милы и собрался сделать с них копию. Тетушку он, понятное дело, принял за свою жену, а она была так растеряна его мамаевым наскоком, что ключи отдала. Пришлось мне идти к нему и разбираться, отбирать ключи, хотя дядя Гриша сам толком не помнил, сколько дубликатов сделал...

* * *

Нет. Зря я грешила на сантехника дядю Гришу.

Посреди прихожей стояла только растерянная тетушка. В одной руке она держала телефонную трубку, во второй – башмак, при посредстве которого она, видимо, и повалила полочку для обуви. На полу валялся разбитый телефонный аппарат.

– Тебя, – ошеломленно выговорила тетя Мила.

Я взяла у нее трубку и приложила к уху. В трубке стояла глухая тишина. По всей видимости, аппарат раскололся так основательно, что связь прервалась.

Я вырвала провод из телефонной розетки и бросила испорченный телефон в мусорное ведро.

– Что случилось-то? – спросила я у по-прежнему остолбенелой родственницы. – Кто меня спрашивал?

Она открыла было рот, но тут зазвонил другой аппарат, располагавшийся в зале. Не дожидаясь, пока тетушка выйдет из столбняка, я сняла трубку:

– Да!

– Доброе утро, Евгения Максимовна, – пророкотал в трубке бархатный баритон со смутно знакомыми нотками. – Побеспокоил? Соединение как-то странно оборвалось.

– Да нет, ничего. А кто это говорит?

– Говорит Леонард. Если более конкретно – Леонард Леонтьевич Эллер. Мы познакомились вчера в клубе. Вы помните?

Ах, вот оно что! Теперь понятно, почему тетушка учинила невольный разгром в прихожке. Наверное, когда она услышала имя звонившего в ответ на свой строгий допрос, то непроизвольно схватила за первую попавшуюся под руку вещь, а ею оказался ботинок, заправленный в среднюю полку обувной стойки.

– Да, я помню, – произнесла я. – Было приятно познакомиться.

– Мне тем более, – рассыпался в любезностях мой собеседник, – все-таки не оскудевает моя малая родина красотой и талантами. Евгения Максимовна, я вот по какому поводу звоню. Нам необходимо увидеться.

– А зачем?

Он кашлянул. Наверное, мэтру нечасто приходилось слышать такое в ответ на свое предложение. Чтобы кто-то выражал сомнение в необходимости встречи с ним, самим Эллером... Ну что вы, разве такое возможно!

– Понимаю, Евгения Максимовна, вы могли подумать, что я напрашиваюсь на легкий флирт. Хотя человеку моей профессии такое вполне простительно, вы не находите? Но я хотел поговорить с вами о серьезном деле. Никаких амуров. Уверяю вас, это самая деловая встреча, о какой я когда-либо просил женщину.

– Конечно, Леонард Леонтьевич, – ответила я. – А когда и где вам удобно?

– Мне удобно там и тогда, когда это удобно вам.

В чем, в чем, а в галантности ему не откажешь. Вчера, находясь в подпитии, он вообще произносил столь витиеватые комплименты, что к концу фразы забывалось, с какого восхваления он, собственно, начал.

– Хорошо, тогда давайте разделимся в определении места и времени, – с улыбкой предложила я. – Я скажу – во сколько, а вы скажете – где.

– Это было бы прекрасно, – отозвался он. – Ну так что же, я жду.

– Давайте часов в восемь, если у вас на это время не приходится каких-либо неотложных дел.

– Неотложных дел не бывает. Восемь вечера? Принято. Я буду ждать вас в это время в ресторане «Львиная грива». Правда, меня усиленно сватали в «Дикий Запад», но я, право, не люблю американскую кухню. Если вообще допустить, что такое понятие, как «американская кухня», имеет право на существование. По мне, это словосочетание звучит так же нелепо, как, скажем, «зулусская архитектура» или «японские березки». Нечто эфемерное, надуманное, не существующее в действительности, но способное быть преподнесенным за деньги. Я не сильно утомляю вас своими рассуждениями?

– Да нет, что вы.

– Кстати, вот интересно: только в русском языке есть словосочетание «да нет». Помню, однажды меня буквально допрашивал немецкий дипломат, как все же понимать это наше «да нет». Как «да»? Или все-таки как «нет»? И я так и не смог ему объяснить, все списал на загадку русской души. Хотя сам я наполовину немец. Поволжский, разумеется. До свидания.

– До свидания, – несколько потерянно ответила я, завороченная потоком красноречия своего собеседника.

Я вышла из гостиной, и меня встретила тетушка, уже успевшая избавиться от башмака в руке.

– Это в самом деле был Эллер?

– В самом деле.

– Ты оставила ему наш телефон, да?

– В том-то все и дело, что телефон я ему не давала, – удивленно протянула я.

– А что он звонил?

– Пригласил меня в ресторан.

Тетушка замерла. Потом медленно склонила голову к плечу и выговорила:

– В рес-то-ран? В какой еще ресторан?

– В «Львиную гриву», – утомленно ответила я. – Он утверждает, что у него ко мне какой-то деловой разговор и деловой же интерес. Хотелось бы верить.

– А ты не думаешь... – тихо промолвила тетя Мила и огляделась по сторонам, словно в нашей квартире было полно соглядатаев, – а не думаешь, что он собирается за тобой... приударить? Что же ты будешь делать в таком случае, а?

– Расслаблюсь и получу удовольствие. А если серьезно, то, если что, у господина Эллера нет никаких шансов. Он, конечно, богат, знаменит и все такое, но он еще и женат, плюс имеет кучу любовниц по всем городам и весям. А у нас в городе не один Борис Оттобальдович Бжезинский гордый.

– Тогда ты вот что, – засуетилась тетушка, – купи его книжку в магазине напротив и попроси его подписать для меня. Или, – она опасливо глянула на меня, – это тоже против твоей гордости? От тебя же, Женька, чего угодно можно ожидать.

– Да ну уж, ты совсем из меня какой-то перл гордыни делаешь, – отозвалась я с мимолетной усмешкой, – а гордыня, как тебе известно, тетушка, самый страшный из смертных грехов.

Глава 2

На выход в свет я собиралась сегодня с особым тщанием. Конечно, тарасовские рестораны не бог весть какие, особенно по сравнению с роскошью московских заведений, а я слишком много раз ходила и в те, и в другие, чтобы испытывать по этому поводу хотя бы минимум робости. Но тем не менее не каждый день вас приглашает на ужин человек если не с мировым, так со всероссийским именем.

Поэтому я приделалась, что называется, по полной программе, но с устойчивым «деловым» шармом, чтобы не давать никакого повода к фривольности. Конечно, если бы я ставила себе целью соблазнить многоопытного ловеласа, особенно зная его вкусы в одежде, можно было бы надеть всякие разные дорогие и модные вещицы, например, синие брюки – атласную пару от Tom Ford par Guccì, атласное синее бюстье, скажем, от Marc Jacobs и серьги Bottega Veneta, нарисовать себе холеное бледное лицо с виртуозно наложенной косметикой, прикрыть лоб и глаза изящной темно – синей или цвета морской волны вуалеткой. Но это, конечно, поставило бы крест на деловой атмосфере вечера. Поэтому я облачилась в строгий, даже несколько чопорный костюм, сделала себе аккуратную прическу. Плюс допустимый минимум косметики, немного дорогих духов, и все. Оставалось только вынуть из шкафа припасенную на исключительные случаи шиншилловую шубу, которую я купила за немыслимые деньги и цену которой до сих пор отказывалась сообщить тетушке из боязни убить ее на месте. Машину я брать, разумеется, не стала, а по телефону вызвала к подъезду такси. Впрочем, ресторан «Львиная грива» находится в трех кварталах от моего дома, так что долго я не каталась. Приехала строго в пять минут девятого – по моим принципам всегда было положено опаздывать ровно на пять минут, если это деловая встреча с мужчиной. Ну а если любовная, то можно опоздать и на пятьдесят пять минут. Кому нужно – дождутся.

С этими мыслями я поднялась по четырем ступенькам парадного входа в ресторан, оформленного в виде громадной, метров десять в диаметре, головы льва, поверх которой, как нимб святого, горела желтая неоновая надпись: «Львиная грива». Впрочем, то ли потому, что архитектор слабо разбирался в зоологии, то ли потому, что нижняя часть морды была приспособлена под двери, лев был похож – прошу прощения за возможное святотатство – на христианского мученика, которому изваяли несообразно огромный памятник. На эти аллегории наводил, конечно, «нимб» неоновой надписи названия, а также страдальческое выражение верхней части морды, как бы говорившее: «Люди входят и выходят, а в башке моей темно».

Только я успела войти и отдать подскочившему швейцару шубу – черт знает, зачем я ее надела? Теперь вот дергайся, не украли бы! – как ко мне неспешной походкой приблизился глыбообразный молодой человек и сказал:

– Вас ждут в VIP-зале.

При этом его каменные скулы шевелились, как у звезды Голливуда Дольфа Лунгрена, изображающего очередного супермена.

– Спасибо, молодой человек, – строго поблагодарила я и спросила с намеком на шутку: – А что, весь зал для двоих абонирован?

– Да, – совершенно серьезно ответил он.

Ну что же, кажется, господин Эллер решил завоевать меня своей щедростью. Снять «виповский» зал в одном из самых дорогих ресторанов города на весь вечер – это, знаете ли, о многом говорит. Посмотрим, что он сам скажет.

Леонард Леонтьевич стоял возле единственного из четырех, расположенных по углам затемненного, очень уютного квадратного зальчика, накрытого столика и говорил по мобильному телефону. Стол, я заметила, был сервирован изысканно и по всем правилам. Впрочем,

для человека, снимающего фильмы с бюджетом в несколько миллионов долларов, вряд ли это встало в проблему.

Заметив меня, Леонард Леонтьевич немедленно оставил разговор и сунул телефон в карман.

Эллер был осанистый мужчина с фигурой постаревшего, погрузневшего, но старающегося держать себя в форме Аполлона. На сегодняшний вечер Леонард Леонтьевич облачился в черный костюм с черной же бабочкой. Сверкали бриллиантовые запонки. Зачесанные назад седеющие волосы делали мэтра очень благообразным: голова словно была облита оловом. У Леонарда Леонтьевича были известные всей стране усы, которые он любил расчесывать даже перед камерой, и выразительный рот с чувственными губами, которые, казалось, совершенно не пострадали от времени. Волевой подбородок и прямой римский нос придавали этому сильному и привлекательному человеку удивительный шарм, и только большие глаза портили его: несмотря на свой редкой красоты миндалевидный разрез и длинные ресницы, глаза эти были невыразительны и малоподвижны, словно в них застоялась болотная вода.

Из-под белоснежной сорочки виднелась мощная шея, а походка, которой Эллер направился мне навстречу, выдавала в нем все еще грациозного самца, который не желал мириться с приближением старости и боролся с ней всеми доступными способами. Тут мне к месту вспомнилось, что я видела блистательного Леонарда Леонтьевича в какой-то тупой рекламе про очередное чудодейственно омолаживающее средство.

– Рад вас видеть, – проговорил Эллер, галантно целуя мне руку. – Как несложно убедиться, я вас ожидал. Присаживайтесь, прошу вас.

– Благодарю.

– Давайте для аппетита выпьем вот этого белого вина, – подмигнул он мне, – оно превосходно идет с рыбой. Или наоборот – рыбу положено есть с белым вином? Честно говоря, я в кулинарном этикете не очень силен, для того имеются, как это называется у президента, шефы протокола.

Я могла бы, конечно, напомнить своему кавалеру, с чем положено пить красное вино, с чем белое, как напитки распределяются по сортам и так далее, но сочла такое проявление словесной эрудиции несколько излишним. В самом деле, «учить Эллера» – это звучит по меньшей мере самонадеянно, а то и просто глупо. И я решила, наоборот, немножко подольститься к Леонарду Леонтьевичу:

– Вы знаете, если честно, то я оторопела, когда вы позвонили. Я и после вчерашнего общения в клубе пришла домой приятно пораженная, а сегодня и вовсе...

– Ну что вы... – снисходительно улыбнулся в усы мэтр. – Кстати, превосходное вино! О чем я? Ах, да! Вы оторопели. А вот в Москве молодежь действует по принципу «Я!». Эгоцентризм предельный. Хотя... Может, оно и хорошо. Я все-таки не смог до конца приспособиться к москвичам, потому как сам отсюда, из Тарасова, из простой семьи. Признаться, в молодости у меня тоже был молодецкий наскок буквально на все. Ну, вы же знаете – юношеский максимализм. Я, например, искренне полагал, что могу писать стихи лучше Блока, играть лучше Качалова, снимать фильмы лучше Феллини. Годы прошли, и я стал мудрее. Трезвее оцениваю себя. По этому поводу мне вспоминается одна история, случившаяся с Джузеппе Верди. Как-то раз к нему пришел молодой композитор, который, как и молодое московское поколение, каждую фразу начинал местоимением «Я», да и заканчивал в том же духе. Верди послушал юнца и сказал: «Молодой человек! Когда мне было восемнадцать, я тоже говорил: «Я!» В двадцать пять лет я говорил: «Я и Моцарт». В тридцать утверждал: «Моцарт и я». И лишь теперь я уверенно говорю: «Моцарт».

Закончив эту речь, напомнившую мне отчего-то вечерние ликбезы тетушки Милы, Эллер засмеялся и стал подкладывать мне в тарелку от всех вкусовостей понемногу. Судя по этому, в этикете он действительно был не особо силен. Но перемешал он мне всю еду в тарелке с такой

очаровательной непосредственностью, что это не могло не вызвать у меня ответной открытой улыбки.

– А откуда, простите, вы узнали мой телефон, Леонард Леонтьевич? – спросила я. – По моему, вчера я вам его не оставляла.

– Это так. Только вы, Женя... Могу я вас так называть, а то хлестать имя-отчеством как-то не способствует аппетиту? – спросил Эллер и, поймав мой легкий согласный кивок, продолжил: – Вы, Женя, человек в городе довольно известный. Мне говорили о вас как о профессионале высокого класса и в высшей степени обаятельной женщине. А я о вас капитальные справки наводил.

– Вот как? – спросила я. – Чем же вызван такой интерес к моей скромной персоне со стороны самого Эллера? Неужели хотите снять меня в кино?

– Как вы находите этот соус? – ушел от ответа мэтр. – Гм... так вот, я хотел поговорить с вами по не совсем обычному поводу. Вы только не пугайтесь сразу, Евгения Макс... Женя.

– Знаете, Леонард Леонтьевич, я не из пугливых, – улыбнулась я. – Да вы и сами, наверное, это поняли, если слышали отзывы обо мне. Я вас очень внимательно слушаю и обещаю сразу в обморок не падать.

Он внимательно посмотрел на меня и проговорил:

– Нет, прежде – ужин. А затем и только после него приступим к тому, что привело нас к этой встрече. – Эллер засмеялся и добавил: – Прошу вас не понимать мои слова превратно. Я ведь вовсе не такой Казанова, как многие думают. Наоборот, я чист, как младенец, а все слухи и сплетни распускает обо мне «желтая» пресса. Вот, к примеру, вы, Женя. Какой последний слухок обо мне вы вычитали?

– Честно говоря, я не очень много про вас читала и видела, а вот моя тетушка, которая взяла трубку, а потом ее выронила, когда вы сказали, кто звонит...

– Ах, так вот почему рассоединилось! Забавно. И что же ваша почтенная тетушка?

– Вот она про вас читала очень много. Так что последний слух про вас, который проник в нашу семью, касался вашей женитьбы.

Мне показалось, что по лучезарному лицу Эллера проскользнула тень. Впрочем, в следующую секунду он снова расцвел и иронически парировал:

– А позвольте осведомиться, касательно какой именно из моих женитьб там писали? Потому что в одной газетенке однажды написали, что я сочетался браком... с женщиной.

– С женщиной?

– Ну да! В Амстердаме, единственном городе в Европе, где разрешены однополые браки. Там напечатали, что я якобы несколько лет назад женился на своем сердечном друге. Так насчет какой женитьбы вы читали?

– Насчет последней. Написали, что вы, Леонард Леонтьевич, женились на дочери бывшего первого секретаря Тарасовского горкома КПСС товарища Бжезинского. И что невеста, кажется, моложе вас почти вдвое.

Эллер с хитрым видом помолчал, пережевывая жаркое.

– Ну что же, – наконец сказал он, – кажется, вам в руки попала довольно правдивая газета. По крайней мере, то, что вы сейчас сообщили, – правда. Я действительно женился в Тарасове несколько месяцев назад на Алине Бжезинской, дочери Бориса Оттобальдовича Бжезинского. Это совершенная правда, и нет смысла ее отрицать. Скажу больше: речь у нас сегодня будет напрямую касаться этого моего брачного союза.

– Простите... но какое отношение я...

– Женя, все по порядку! – перебил он меня. – А теперь не угодно ли еще вот этого замечательного вина? Или, быть может, коньячку?

* * *

Наконец с ужином было покончено. Мы приступили к десерту и фруктам, а Леонард Леонтьевич приступил наконец к тому, ради чего он меня, собственно, и пригласил:

– Женья, мы с вами люди без предрассудков, не правда ли?

– Хотелось бы верить.

– Мне тоже. Так вот, Женья, мне порекомендовали вас как великолепного телохранителя. Не знаю, стоит ли переводить это слово в женский род: «телохранительница» звучит как-то... С одной стороны – постно, что ли: похоже на что-то типа «дароносица». Или, напротив, слишком помпезно... вроде «девы-воительницы». Но это для меня не суть важно. Я, как человек искусства, верю в предопределение и счастливый случай. И хочу заметить, Женья, что в наших с вами отношениях имело место именно это: предопределение и счастливый случай. Если бы я снимал кино, а не говорил с вами на крайне животрепещущую тему, если бы наш с вами разговор был эпизодом фильма, то я бы в качестве затравки вставил в уста своего героя, то есть самого себя, короткую фразу. Она звучала бы так... – Он сделал паузу, а потом на одном дыхании произнес: – Будьте моей женой.

Честно говоря, меня как будто ударило током, когда я это услышала. На несколько секунд мне показалось, что Эллер говорит на полном серьезе. Что мой образ настолько запал ему в душу и он, наряду с предопределением, уверовал в любовь с первого взгляда. Вот и предлагает такое. Стремительный, однако, шаг, вызывающий головокружение.

Наверное, я все-таки не смогла скрыть своего короткого смятения, и оно как-то проявилось внешне. Потому что Леонард Леонтьевич засмеялся и, изящно отставив от себя бокал с недопитым вином, произнес:

– Женья, не понимайте меня буквально. Я же оговорил: если бы это был эпизод из фильма, то для вящей эффектности я начал бы разговор именно такой фразой. Но так как у нас не кино, то придется вдаваться в длинные и нудные пояснения, прежде чем повторить исходное.

– Леонард Леонтьевич, честно говоря, я не понимаю, – быстро справившись со своими эмоциями, проговорила я, – как бы ни были длинны и нудны пояснения, все-таки... такими фразами в шутку не кидаются.

– А мне не до шуток, – сказал мэтр, и его красивое, породистое лицо омрачилось, – мне совсем не до шуток. Вы, Женья, меня простите, что я вас вот так с места в карьер огорошил. Да, мне пора объясниться. Дело в том, что моя жена Алина, дочь Бориса Оттобальдовича Бжезинского, положив руку на сердце, не отличается покладистым характером. Она капризна, вспыльчива, легко поддается на лесть. Словом, избалованная двадцатисемилетняя женщина, которая часто ведет себя, как десятилетняя девочка. Я не буду вдаваться в подробности, думаю, это излишне. Скажу одно: Алина влипла в чрезвычайно нехорошую историю. Проще говоря, ей угрожали. Все-таки она дочь известного человека, а также жена еще более известного... гм. Не могу назвать точного времени, но с определенных пор ее угрожают похитить или вообще убить. Понимаете?

– Отчего же? Я понимаю. Достаточно стандартная ситуация. М-м... простите, что я так выразилась, но в моей работе такая ситуация в самом деле достаточно часто встречается.

– Да, да, конечно. Так вот, Алину я отправил за границу от греха подальше. Но долго ее скрывать я не могу. Вы же знаете, как много про меня пишут. Боюсь, что пронирыльные газетчики, не видя со мной жены, начнут разнохивать, что да к чему, а к газетчикам могут подключиться куда более опасные индивиды, которым нужна не «жареная» информация об Алине, а сама Алина. Понимаете?

– Да. Продолжайте, Леонард Леонтьевич.

Он налил себе полную рюмку коньяку и выпил, что называется, «с размаху». Вытер ладонью усы, чего в самом начале ужина за ним не замечалось, и произнес:

– Словом, я не могу долго скрывать Алину от всех. Но, с другой стороны, я не могу и обнаружить ее местопребывание. Не могу взять с собой в Россию. Потому что ее могут убить, похитить, все, что угодно! Я долго думал, как мне следует поступить, и вдруг счастливая случайность помогла найти подход к решению. Помните, однажды в Москве, в клубе, к вам подошел молодой человек и назвал вас не вашим именем?

– Да, помню. Он оказался вашим охранником, как я узнала позже. Кстати, каким именем он меня назвал? Сама я не запомнила. Просто удивилась, и все.

– Да, он действительно мой охранник. А назвал он вас именем Алина.

– Подождите. Алина? Именем вашей жены, да?

– Совершенно верно. Он принял вас за нее. Неяркое клубное освещение несколько скрадывает те отличия, которые существуют в вашей внешности и в облике Алины, но все же... – Леонард Эллер подался вперед и, понизив голос, хотя нас и так никто не мог слышать, четко, хоть и тихо, проговорил: – Дело в том, Женя, что вы поразительно похожи на мою жену. Те же черты лица, тот же оттенок кожи и цвет глаз, тот же рост и, насколько я могу судить, гм... то же телосложение, тот же тип фигуры. Вот к тому я и сказал: будьте моей женой. На время, конечно, пока не минует кризис и ситуация не разрешится.

– То есть вы предлагаете мне заменить вашу Алину, не так ли, Леонард Леонтьевич? – спросила я в упор.

– Ну, можно сформулировать и так.

– И вы полагаете, что меня будут принимать за нее? Полагаете, что это технически осуществимо? Одно дело, когда меня – при клубном освещении! – принял за Алину ваш охранник. Совсем другое дело, сможет ли меня принять за нее, скажем, отец Алины.

– Во-первых, мой охранник – человек с профессиональной наблюдательностью. Он так просто ничего не путает. Да вы просто не видели Алину! Если мы придем к согласию, то я передам вам видеокассету, где снята Алина, и вы убедитесь, какое у вас с ней сходство! Даже голоса у вас одинаковые. Откровенно говоря, я не думал, что возможно подобное сходство безо всякого грима. Но тут оказалось – возможно. А как человек, имеющий отношение к кинематографу, могу сказать: у вас очень «благодарное» лицо для внесения дополнительных нюансов. Подвижное, пластичное, с сильной мимикой.

– И вы думаете, что я смогу сыграть Алину?

– Я не думаю. Я уверен. Уверен как человек, который кое-что смыслит в режиссуре, актерской работе и гриме, – горделиво заявил Эллер, выпячивая грудь. – Кроме того, я полагаю, что вы не лишены актерских данных. Насколько я понял из вчерашнего и сегодняшнего общения с вами, вы очень артистичная особа. И если с вами еще позаниматься...

– Это излишне, Леонард Леонтьевич, – перебила я собеседника, – и неразумно. Какой смысл брать на работу человека, который не умеет в совершенстве делать то, ради чего его нанимали? Ни к чему. Вот и меня не надо учить. Если вы полагаете, что у нас с Алиной общий тип лица и фигуры, то я могу сказать вам с уверенностью: с ролью я справлюсь. Но тут нужен дополнительный штрих, понимаете?

– То есть?

– Невозможно сыграть конкретного человека так, чтобы нельзя было распознать замену. Сыграть социальную категорию – ну, там, бомжа, проститутку, министра, профессора или божьего человека – неимоверно проще, чем какого-то определенного человека. Нужен штрих, зацепка, интересный ход, позволяющий избегать полного сходства, достигнуть которого в принципе невозможно.

Эллер задумался.

– Дело в том, что Алина хотела делать себе пластическую операцию, – произнес он. – Косметическую. Что-то связанное с формой носа и век. Можно сыграть на этом. Она постоянно недовольна своей внешностью. Алина ведь уже делала себе операцию – в юности, лет в семнадцать, кардинально сменив имидж. Ее тогда родной отец едва узнал. А когда узнал, такую взбучку устроил, сказал, что обклеит ее квартиру портретами Майкла Джексона без грима, чтобы дочка знала, что бывает от злоупотребления пластической хирургией. Я, кстати, его видел. Правда, он был в маске, но нос у него, всем известно, выглядит как квелый заветрившийся огурец, изрядно к тому же пообкусанный.

– Пластическая операция... гм. Да, хороший ход. Но если Алине якобы сделали пластическую операцию, то на это требуется время. Примерно недели две. Сколько она отсутствует в России?

– Да как раз две – две с половиной недели.

– Тогда все в порядке. Косметическая операция оговорена. Можно будет делать упор не на тотальное сходство, а на копирование манер, интонаций, мимики, жестикуляции. А это можно сыграть.

– Я тоже так полагаю, Женя, – неожиданно просияв, сказал Эллер. – Если честно, вы еще тогда, когда я вас в Москве увидал, мне в душу запали. Причем не только тем, что так похожи на Алину.

– Ой, не говорите, что вы и в Тарасов приехали ради меня, – лукаво сказала я. – Все равно не поверю. Ну что же, Леонард Леонтьевич. Кажется, с «удивительным сходством» решили. А...

– ...Каков будет гонорар за эту роль? – подхватил мой новый клиент. – Ну, с этим проблем не будет. Сколько запросите – в разумных, конечно, пределах, – столько и получите.

– Нет, о гонораре позже. Я хотела бы поподробнее узнать, чего вы от меня хотите. Плюс основные, магистральные условия контракта.

– Что вы хотите сказать?

– Мне уже случалось изображать супругу одного из местных бизнесменов, к несчастью, покойного. Он также нанял меня подменять свою благоверную, но при этом требовал, чтобы я исполняла и супружеские обязанности – для пущего вживления в роль, так сказать. Я отказалась, он контракт разорвал. А через два дня его убили.

– Вот как? – склонив голову, спросил Эллер.

– Да.

– Печальный случай. Надеюсь, у нас с вами все будет оптимистичнее. Что касается супружеских обязанностей, то исполнять их – по желанию. Лично я ни на чем не настаиваю. – Седой ловелас снова хитренько улыбнулся в усы, словно произнеся про себя пошлую поговорку: «Да куда ты денешься, когда разденешься». – Вы просто должны изображать мою жену на людях и, что самое сложное, в семье.

– В чьей семье?

– В моей, разумеется. Точнее – в семье Алины.

– Так что... – не поняла я, – Борис Оттобальдович не знает об опасности, которая угрожает его дочери?

– Не знает, и я ка-те-го-ри-чес-ки против того, чтобы он узнал. Я сам в состоянии решить эту проблему. К тому же чем больше людей будут знать о подмене, тем больше возможности утечки информации, – заявил Эллер.

– Вы так полагаете? Но Бжезинский ее отец. К тому же он человек весьма влиятельный, со связями и на периферии, и в Москве. Конечно, я не говорю, что у него больше связей, чем у вас, но тем не менее...

– Вот вы сами все и сказали, Женя! – перебил меня клиент. – Кстати, у него не больше, а даже, напротив, намного меньше связей, чем у меня. Если уж на то пошло, буду с вами откоро-

венен. Борис Оттобальдович меня недолюбливает. Алина – человек внушаемый. Если Борис Оттобальдович узнает, что дочери грозит какая-то опасность, то он тотчас же спишет источник этой опасности на меня и потребует развода. За тот почти год, что я женат на Алине, я его досконально изучил. Тяжелейший человек, с совершенно невыносимым характером. Ходят слухи, что один из ухажеров его дочери – еще до замужества Алины, разумеется, – был отправлен на тот свет по прямому указанию Бориса Оттобальдовича. Если старику что-то не нравится, он встает на дыбы!

«Старику... – возмутилась мысленно я. – Ты-то сам, гусь лапчатый, хоть усы и распушил и грудь выпятил, все равно уже в пенсионную категорию клонишься. Со временем, братец Леонардушка, не поспоришь. И не таких Леонардов оно валило».

– Я поняла вас, Леонард Леонтьевич, – сказала я вслух. – Сформулирую вопрос иначе: а кто вообще будет знать о том, что я и Алина – разные люди?

Эллер на мгновение задумался, а потом ответил:

– Я и вы. Хотя нет, постойте. Мой личный охранник Сережа Вышедкевич. Я доверяю ему, как самому себе. Вот он еще будет знать.

– Это не тот ли представительный мужчина, что встретил меня в дверях ресторана и проводил сюда? Он мне показался знакомым. Да... ведь он, собственно, и в Москве тогда ко мне подходил. Однако внешность у него, по-моему, не самая запоминающаяся.

– Совершенно верно. Это он и есть. Ему можно доверять полностью. Он два раза спасал мне жизнь.

– Хорошо. Но, Леонард Леонтьевич, речь сейчас идет не о вашей жизни, а о жизни вашей супруги. Кто ей угрожал, где, при каких обстоятельствах? Ну и когда это было?

Кинематографический мэтр поморщился:

– А разве это имеет значение?

– Что-о-о? Имеет ли это значение? Представьте себе, что я должна пройти минное поле, а у вас есть схема местонахождения мин. Я прошу вас дать мне эту карту или схему, а вы говорите в ответ: «А разве это имеет значение?» Имеет, Леонард Леонтьевич, очень даже имеет, уж поверьте моему опыту! Если я буду изображать вашу супругу, я должна знать все то, что знала она, и даже сверх того. Я должна представлять себе хотя бы в самом размытом плане, откуда стоит ждать опасности.

– Честно говоря, я сам не особо знаю, кто такие люди, грозившие расправой моей супруге, – признался Эллер. – Но есть подозрение, что они – отсюда, из Тарасова.

– Почему вы так думаете?

– Потому что если бы это были московские происки, то они в первую очередь нацелились бы на меня. Все-таки я и моя супруга – несопоставимые величины.

«Ай, от скромности он не помрет! – подумала я. – Мощно задвинул, внушай-и-ит, как говорит Хрюн Моржов».

– А тарасовские могут метить в Алину еще и из-за того, что ее отец очень большие «прихваты» имеет по городу и области.

– Вот видите! А вы не хотите ему сообщить.

– Если бы ему нужно было знать, то звонили и подкидывали бы анонимные письма не нам, а ему самому!

– Ага! – воскликнула я. – Наконец-то я от вас добилась, каким именно способом вам угрожали. Когда звонили, трубку снимала ваша супруга?

– Когда она, когда я. А однажды ей и вовсе позвонили на мобильный, а его номер знают только самые близкие люди.

– Понятно. Леонард Леонтьевич, а вот когда трубку брали вы, что вам сказали?

Тот поморщился:

– Ой, да что они могут сказать? Как в дурацком бандитском боевичке. Что-то типа «береги свою телку, а то вымя вырвем». В общем, бессодержательная грубость. Но Алине, видно, говорили что-то более конкретное, потому что она ходила испуганная. А когда у нее сожгли джип и она чудом уцелела, то я решил отправить ее за границу.

– И когда сожгли джип?

– Недели три тому назад.

– В Москве, в Тарасове или в ином городе или регионе?

– Да какая Москва, тут его сожгли! Все газеты слюной захлебывались, обсасывая это дело.

Я подумала, что Эллер, верно, несколько преувеличивает широту освещения событий, происходящих с его семьей, в СМИ. По крайней мере, я ничего подобного не видела ни в газетах, ни в Интернете, а вычитываю я оттуда довольно много.

– Хорошо, – сказала я, – Леонард Леонтьевич, прежде чем мы определимся в конкретных рамках моей предполагаемой работы на вас, хотелось бы прояснить вопрос времени и вопрос оплаты.

– В смысле – сколько вам надлежит изображать мою жену?

– Да.

– Это будет видно. А что касается денег, то давайте установим поденную оплату. Устроит вас в день, скажем, такая сумма?

И он назвал очень неплохую цифру. Я столько не ожидала, но для проформы сделала озабоченное лицо и слабо пожала плечами с последующим:

– Ну-у... как вам сказать?

– Хорошо, – поднялся из-за стола Эллер, – я увеличу названную цифру в полтора раза. Устроит вас?

Видимо, я в самом деле крепко была ему нужна, потому что он даже в лице изменился, пока боролся в нем необходимость привлечь меня на свою сторону и скупость. О прижимистости знаменитого режиссера я слышала много злобных и, как выяснилось, довольно недостоверных слухов, но какое-то зерно истины в них все равно присутствовало.

– Да, Леонард Леонтьевич, – сказала я, – устроит.

– Тогда едем ко мне.

– Надеюсь, вы потребуете от меня выполнения супружеских обязанностей только после подписания контракта? – пошутила я.

Он как-то странно окинул меня взглядом и выговорил:

– Женя, а как вы обычно привыкли подписывать контракт? В двух экземплярах?

– Разумеется. Один – мне, один – вам.

– Дело в том, что... мне не хотелось бы оставлять письменных свидетельств нашего сотрудничества. Давайте будем работать на основе устной договоренности. Чем меньше бумаг, тем лучше. Я не хотел бы, чтобы вся история всплыла на поверхность при... скажем так... определенном раскладе ситуации. Конечно, если вы не верите мне на слово...

Он выглядел очень расстроенным. Мне даже стало стыдно за свое буквоедство и формализм. В самом деле, один из лучших режиссеров нашего кино, которого лично моя тетя считает чуть ли не гением, просит меня оказать услугу, о которой я, быть может, буду вспоминать всю жизнь, так нет же... неужели я буду и впрямь «выгрызать» себе каждую строчку в контракте, пользуясь затруднительным положением этого уважаемого человека? Совесть надо поймать, Женечка! Оплату он предложил очень щедрую, так что почему бы и не пойти ему навстречу, не отступить от своей обычной практики? Ничего страшного не произойдет.

– Леонард Леонтьевич, – сказала я, – если вам удобнее без документов, то я готова принять ваше условие. Все-таки вы не кто-нибудь... не бизнесмен с большой дороги, хотя и такие мне нередко попадались.

Он кивнул и сказал:

– Ну хорошо. Поехали.

Глава 3

Квартира Леонарда Леонтьевича Эллера располагалась в большом сталинском доме. По всей видимости, в этой квартире жили еще его родители, а с их смертью она отошла единственному их сыну. Правда, хозяин нечасто баловал родной дом посещениями. В Тарасове он бывал наездами и все больше по профессиональной надобности или для отбора актеров в местных театрах, считающихся далеко не самыми последними в России. Конечно, он мог полностью укомплектовать актерский состав фильмов, которые он ставил, московскими кадрами, но Эллер, как некоторые наиболее благодарные провинциалы, пробившиеся в столицу, предпочитал тянуть наверх своих земляков.

Надо сказать, я удивилась, не найдя в его доме ожидаемой роскоши. Он, кажется, это заметил, потому что сказал:

– Я оставил тут все, как было при маме и папе. Только телевизор и холодильник сменил, потому что у них совсем уж рухлядь была, а менять они не хотели, хотя я им предлагал. Говорили, что со старыми им удобнее, привычнее. Ну что ж, сейчас мы с вами посмотрим семейные видеозаписи. Нам завтра предстоит ехать к Борису Оттобальдовичу, так что вам, Женя, нужно вжиться в образ. Понимаете?

– Да отчего не понять. Ставьте свое видео. Оно у вас на компьютере?

– Нет, не привез я еще компьютер. Я ведь все больше на новой квартире, которая жене принадлежит, жил. Там роскошь, конечно. А сюда она один раз приехала, посмотрела да и рукой махнула: дескать, не хочу и не буду. Это у нее любимые фразы такие – «не хочу» и «не буду».

– У меня они тоже были любимыми.

– Правда? – с живостью повернулся он ко мне.

– Правда. Только тогда мне было пять или шесть лет. Ну что же, давайте смотреть ваши веселые картинки с Алиной Эллер.

– Красиво звучит, правда? – вдруг спросил мэтр.

– Что?

– Имя – Алина Эллер.

– Да. Только как-то... по-нездешнему, что ли. На аллитерациях.

– Знаете, Женя, жена мне как-то раз заявила, что вышла за меня из-за двух вещей: во-первых, из-за моего имени, громкого имени, а во-вторых, тоже из-за имени, но из-за своего будущего, вот этого – Алина Эллер. Ей все казалось, что Алина Бжезинская звучит по-еврейски. Она, кстати, ужасная антисемитка. И очень упряма. Если на чем-то своем упрется, то ничем не столкнешь. Вы запоминайте, запоминайте. Вам же предстоит быть ею.

– Я запоминаю. Включайте.

На экране появилось смеющееся женское лицо. Леонард Леонтьевич был совершенно прав: Алина, оказалось, феерически похожа на меня. Тот же овал лица, те же высокие округлые скулы, разрез глаз и форма губ, только Алина кривила рот по-детски капризно. Впрочем, при желании я могла скопировать это ее движение губ точь-в-точь. Так что при оговорке насчет пластической операции по коррективке внешности я могла «влиться в форму» Алины Эллер со стопроцентной точностью.

– Она очень женственная... – начал Леонард Леонтьевич и тут же перебил сам себя: – Вы только не обижайтесь, но я режиссер и привык говорить свои замечания актерам, не стесняюсь, в лицо. Так вот, вы выглядите посуше Алины и... не скажу, что более мужеподобно, к вам такой эпитет не подходит, но – более строго и менее... менее спонтанно, что ли. В вас чувствуется расчетливость, сильный характер и ум. А Алина – резвая козочка на склонах Альпийских гор.

– Почему Альпийских? – спросила я.

Эллер посмотрел на меня такими глазами, какие бывают у купальщика, который только что вынырнул из воды. Я почувствовала на себе взгляд знаменитого человека, славящегося способностью как бы впитывать облик того или иного человека и переносить его в свое художественное полотно, в свое творение.

– Это я ассоциативно, – пояснил Эллер, – первое, что пришло в голову, выдал. Тем более что Алина-то действительно в Альпах отдыхает. Ну так что, Женя, как у вас с актерской подготовкой?

* * *

С актерской подготовкой у меня обстояло превосходно, и об этом я могу сказать без ложной скромности. А если уж говорить совсем без скромности, то неплохо у меня обстояло практически с любой подготовкой. Да и как же иначе! И наследственность, и образование сказывались. Мой отец, генерал Максим Прокофьевич Охотников, родной брат тети Милы, еще при существовании СССР определил меня в секретный военный институт, в просторечии именуемый «ворошиловкой».

Название это имеет отношение не только к маршалу Ворошилову, но и к глаголу «ворошить». Если принять за исходную точку концепцию, что в каждом человеке изначально заложено все, что ему нужно и не нужно, и дурное и хорошее, и задача воспитателей и учителей этого человека – поднять и укрепить именно хорошее, то глагол «ворошить» как нельзя лучше соответствует сути обучения в этом институте. Мои уникальные преподаватели проработали сквозь пласты и залежи того, чем наделила меня природа, и «наворошили» такого, что в результате я изменилась кардинально. Слабости были затерты и нивелированы, а сильные черты взяты на вооружение и развиты.

Все-таки институт готовил кадры для разведки! А что в разведке главное? Правильно: маскировка, мимикрия, умение приспособиться, уподобиться, вжиться! Так говорили нам сначала в институте, а потом и в спецотряде «Сигма».

Могу смело сказать, что в результате обучения и стажировки я приобрела знания и умения, которых хватило бы на нескольких человек: на дипломированного психолога, например, на эрудированного историка, высококвалифицированного переводчика. Могу я и еще многое-многое другое, как то: быть кинокаскадером, телохранителем, тренером по ряду единоборств, а равно и профессиональным снайпером, легкоатлетом и даже автогонщиком. По поводу последнего отмечу: конечно, с Михаэлем Шумахером мне не сравниться, но уровня среднего пилота «Формулы» я достигла, это как пить дать.

Но главным моим достоинством, наиболее отточенной гранью мастерства, является искусство перевоплощения. Недаром в «Сигме» я получила прозвище Хамелеон. А в «Сигме», дорогие мои, никто просто так не давал прозвищ. Имена прикреплялись на уровне высшего соответствия. Если тебя прозвали Кабан – то изволь рыть землю и валить деревья не хуже дикого вепря. Получил имя Змея – соблаговоли двигаться бесшумно и молниеносно, замораживать и готовить силы для одного-единственного смертельного удара. А мне дали имя Хамелеон именно за то, что я могла почти мгновенно превращаться в кого угодно. С годами, в процессе работы телохранителем, мое умение перевоплощаться достигло еще более высокого уровня. Думаю, если бы я выбрала актерскую профессию, то стала бы находкой для любого театра.

Но я использовала свои возможности иначе. Выбрав профессию телохранителя, я разработала собственный метод. Основной принцип, заложенный в него, стар как мир: тот телохранитель наиболее профессионален, которого никто не замечает. Когда охрана невидима, кажется, что охраняемый человек совсем даже и не охраняем никем.

Обычные охранники достигают этого внешнего эффекта посредством того, что стушеваются, ретушируются, как бы уходят в тень. Мой же способ сделать охрану невидимой посто-

ронному глазу – метод Хамелеона – оригинален и состоит в том, что я не только не прячусь, а даже наоборот – лезу на глаза. Просто никто не может заподозрить во мне телохранителя, а тем более – элитного.

Если за охраняемым по моей методике человеком (на профессиональном языке – объектом) кто-нибудь следит, то преследователь не может иногда даже распознать, находится ли объект под охраной или охрана отсутствует. Потому что охранник, способный тем не менее пресечь любую попытку нападения исподтишка или открытой агрессии, – может оказаться кем угодно. Например, тетенькой продавщицей, торгующей мороженым, или бестолковым коммивояжером, лезущим куда надо и куда не надо (очень удобная ипостась, кстати). Он может оказаться бомжом, учительницей, уличным плясуном, уборщицей, официантом в кафе и даже проституткой. Последнее, конечно, нежелательно из этических соображений, но иногда, при острой необходимости, их можно откинуть.

Искусство маскировки и перевоплощения, оно же – лицедейство, я изучила до тонкостей и научилась перевоплощаться, работая практически на подсознательном уровне. Мне не нужно всматриваться в лицо человека и запоминать его мимику – запоминание и уподобление происходит автоматически, по годами отлаженному алгоритму.

И вот теперь мне, выпускнице «ворошиловки», прошедшей боевую подготовку в группе «Сигма» под именем Хамелеон, задали невинный, хотя и вполне резонный вопрос:

– Как у вас с актерской подготовкой?

* * *

– Прекрасно! – ответила я.

– Люблю таких, – сказал маститый кинорежиссер. – Уверенно, с апломбом, без запинки. Вот что, Женя. Вы уже достаточно посмотрели на Алину? Разглядели ее, зафиксировали, так сказать?

– Вполне.

– В соседней комнате в шкафу есть несколько ее вещей, которые она тут забыла, – сказал Леонард Леонтьевич. – Если вы готовы, то идите и переодевайтесь. Вы заметили, как Алина накладывает косметику? Я специально показал вам эпизод, где она делает макияж. Ведь у каждой женщины индивидуальный способ краситься.

– Да. Если женщина – индивидуальность, а не девочка из пешеходного перехода или с обочины дороги.

– Ну, те, конечно, – как под копирку.

– Хорошо, я пошла.

Думаю, мне потребовалось примерно полчаса, чтобы вжиться в образ Алины Эллер. Одевшись в ее вещи, я походила по комнате, отрабатывая походку, – у Алины она отличалась от моей большей амплитудой раскачивания бедер и манерой ставить ступни по одной линии, как будто идешь по канату. В жестикуляции Алины тоже было отличительное свойство – она кокетливо заламывает руки в запястьях и... впрочем, на словах это сложно объяснить. Балетмейстеры меня поймут.

Дольше всего я отрабатывала мимику и манеру разговора. На макияж ушло гораздо меньше времени, буквально несколько минут, так как красилась Алина, как я отметила, смотря видео, несколько небрежно.

Ну что же. Можно давать представление.

Я выпорхнула из комнаты, прошла перед сразу посерьезневшим Эллером и, вскинув руку, выговорила обманчиво хрупким капризным голоском:

– Ты знаешь, мне ка-ажется, что завтра стоит поехать к па-апе. А, Леонардик?

– Достаточно, – резко остановил меня режиссер. И замолчал.

Неужели этому привереде не понравилось? Тогда посоветую ему выписать Смоктуновского – пусть играет ему двадцатисемилетнюю дурочку! Впрочем, Смоктуновский почти десять лет как умер.

– Пройдитесь еще раз. Ничего не говорите, – скомандовал Эллер. – А теперь сделайте вид, что увидели что-то невкусное. Так. Представьте, что вам очень нужны деньги, а я не даю, и скажите: «Да я и у папы возьму, ты один, что ль, с «баблом»!» Говорите.

Я чуть выпятила нижнюю губу, отставила руку от корпуса и произнесла:

– Да я и у папы возьму, ты один, что ль, с «баблом»!

Эллер помолчал, потом повернулся ко мне спиной и выговорил:

– Ну что ж. Я в вас ошибался. То есть... Я хочу сказать, что ошибался в том плане, что я вас, Женя, недооценил. Вы гораздо лучшая актриса, чем я даже мог допустить изначально. Я вообще предпочитаю не хвалить актеров, но в вашем случае надо сделать исключение. Пожалуй, я бы пригласил вас в свой новый фильм, если только... – Он осекся.

– Если только – что?

– Если все кончится благополучно, – выговорил он. – Понимаете, ситуация такова, что я не хочу загадывать. А теперь по существу. Вы – первоклассная актриса. Если различия между вами и Алиной есть, то их вижу только я, потому что у меня наметанный профессиональный взгляд. Впрочем, и эти шероховатости можно сгладить совершенно. Мне кажется, что я недаром потратил время, наводя справки о вас и о вашем характере. Мы еще с вами поработаем, а теперь вот что: я нанимаю вас не только как дублершу моей жены, но и как телохранителя для меня самого. Потому что, опасаясь за жену, невозможно не опасаться за самого себя.

– Совершенно с вами согласна, Леонард Леонтьевич, – почтительно отозвалась я.

– Кстати, об имени. Вы, кажется, называли меня «Леонардик», не так ли?

– Ну, обычная нежная фамильярность, которая, мне кажется, свойственна почти каждой женщине в отношении мужа. Вы, надеюсь, не в обиде? Творческий процесс как-никак...

– Конечно, нет. Для пользы дела я согласен быть не только Леонардиком, но также Нардиком, Ленчиком или даже Козлом-Самолетом, как меня еще в Щукинском приласкали. Дело в другом. Алина зовет меня совсем не так. Она называет меня Лео-Лео. От сокращенного имени-отчества: ЛЕОнард ЛЕОнтьевич.

– Запомнила. Значит, Лео-Лео... А что, красиво. Лео-Лео... – повторила я с интонациями Алины.

Эллер даже в лице переменялся. Честно говоря, первым моим впечатлением было, что он испугался. Правда, мэтр быстро овладел собой, ведь он не только талантливый режиссер, но еще и актер не последний.

– Натурально, – наконец произнес мой новый клиент. – Вот сейчас вы произнесли мое имя точно голосом Алины. Впрочем, вам много говорить не придется. Я скажу вашему отцу... тьфу ты, Борису Оттобальдовичу, отцу Алины, что у вас частичная потеря памяти. Видите – я тоже вживаюсь в роль. Бжезинского уже вашим отцом назвал. Но это хорошо, хорошо.

– Подождите! А что там насчет потери памяти? – остановила режиссера я.

– Ах, да. Вы ведь как будто приехали с альпийского курорта. Алина сейчас там в действительности и находится. Так вот, думаю, Борис Оттобальдович несколько не удивится, если я скажу, что вы сорвались на горнолыжном спуске и немного ушиблись головой, отчего произошло незначительное расстройство памяти. Кстати, вот вам и причина для косметического «ремонта»: повреждения при падении. Остальное довершит грим.

– Частичная потеря памяти... Очень уж затерто, сериалом мексиканским отдает. Хорошо еще, не амнезия сразу.

– Ну, амнезия была бы существенным перебором, говорю вам как режиссер. Знаете, Женя, воспринимайте все это, если хотите, как съемки фильма. Тем более что моя персона к такому располагает. Если мы скажем Борису Оттобальдовичу, что у его любимой единственной

дочки амнезия, то он сильно разозлится, расстроится. А так – ничего, можно сказать, пустяки. Что касается «затертости», считайте, что мы снимаем посредственный фильм. На таком неблагодарном материале нам шедевр и не нужен. Да и Борис Оттобальдович...

– Такое впечатление, – перебив мэтра, заметила я, – что во всей этой истории вы больше всего опасаетесь именно Бориса Оттобальдовича Бжезинского, отца Алины и, следовательно, человека, который никогда бы не причинил ей вреда.

– Я беру его за эталон, – заявил Эллер, на сей раз несколько не смутившись. – Если поверит он, то могут поверить и другие. То есть они, уж конечно, наверняка поверят.

– Не нравится мне все это... – проговорила я. – Впрочем, Леонард Леонтьевич, свое мнение я буду держать при себе. Да, кстати: разрешите вопрос?

– Пожалуйста.

– Мне кажется, что вы используете меня не столько как дублершу Алины и уж тем более не как собственного телохранителя. А как живца. По-моему, вы рассчитываете на то, что щука клюнет, а живец внезапно окажется более хищной рыбой, чем эта щука, и порвет ее в клочья. Так, Леонард Леонардович?

– Леонтьевич я. На мой взгляд, если наведенные мной справки соответствуют истине, то вы действительно вполне на такое способны, – сухо ответил он.

Я оставила эту реплику без ответа. Если он в самом деле так думает, то совсем недалек от истины. Но всех возможностей Хамелеона не знает даже сам Хамелеон...

* * *

Ночевала я у Эллера. Конечно, позвонила тетушке и предупредила, что ночью... гм... у подруги. Не стану же я в самом деле говорить ей, что осталась на ночь у ее любимого режиссера, который взял меня в «жены» – пока на время тарасовских кинопроб, а дальше – как бог пошлет.

И, разумеется, ни о каком «супружеском долге» никто и не заикался. Думаю, Леонард Леонтьевич и мог бы выкинуть что-то в таком духе, будь он лет на двадцать или двадцать пять помоложе. Но он был опытным и выдавшим виды ловеласом. Такие, как утверждал известный французский писатель, сравнивают женщину с яблоком и говорят, что не надо срывать плод незрелым: когда придет время – он сам упадет в руки.

Правда, в нашем случае я была совсем другим фруктом.

Перед сном – наверное, чтобы обеспечить мне красочные сновидения, – господин Эллер показал две анонимные записки, которые подбросили его жене. Не буду приводить их содержание, просто отмечу, что ничего полезного для моей работы на Эллера они не содержали. У меня создалось даже впечатление, что их написали от нечего делать. Впечатление, впрочем, очень субъективное...

Не знаю, почему, но я почти всю ночь так толком и не заснула. Какое-то лихорадочное возбуждение сжирало меня, не давая полностью расслабиться и вверить себя живительному сну. Если оторваться от контекста договора, то сама по себе работа в качестве дублерши жены киномэтра – дело очень соблазнительное. Какая-нибудь глупая жаба, без сомнения, попыталась бы воспользоваться положением, влезла бы к Эллеру в койку, а потом и в доверие. Алгоритм последующих возможных событий всем известен, и нет надобности приводить его в подробностях.

По идее, Женечка, следовало бы и тебе ковать железо, не отходя от кассы. Вот уж тетушка была бы в восторге. Или нет? Ах, он старше меня на... На сколько? Так ведь он, судя по всему, очень даже в порядке, если женился на двадцатисемилетней женщине, которая на четверть века его моложе. Творческие люди – они такие.

Вот взять хотя бы Гёте. Сей благородный старец, написавший «Фауста» и «Горные вершины», в восемьдесят два года женился на восемнадцатилетней. Злословили, что он специально подбирал себе в пару девушку такого возраста, чтобы им вдвоем в сумме было сто лет.

А Виктор Гюго, автор «Нотр-Дам де Пари»? Этот французский гражданин и вовсе хорохорился и беспутствовал до восьмидесяти четырех, что совершенно не мешало ему создавать гениальные произведения. Даже, как говорится, еще и помогало.

Вообще, быть музой у служителя искусства – занятие лестное, хотя и неблагодарное. Например, Елена Дьяконова, более известная как Гала. Ведь ее передавали, как переходящее Красное знамя, от Элюара к Дали и обратно! А глупенькая Алина на музу как-то не тянет... С другой стороны, может, глупенькая она только внешне? Вообще, женщине совсем не обязательно потрясать интеллектом, легко «брать» вопросы в «Что? Где? Когда?» и разгадывать кроссворды за пять минут, чтобы быть умной. И Алина по-своему в чем-то очень умна, если смогла выйти замуж за такого человека, как Эллер. Лео-Лео и ему подобные не женятся на куклах, которые только на то и способны, чтобы проделывать ряд несложных телодвижений, сопряженных с необходимостью секса и совместных с мужем выходов в свет. Не-ет! Такие, как Леонард Леонтьевич, любят стерв. Даже не стерв, а – стерrrrrв!

И Алина Эллер – едва ли исключение.

Примерно такие мысли и мелькали у меня в голове во время того полусонного-полубодствующего состояния, в котором я пребывала почти всю ночь. Лишь под утро я заснула под аккомпанемент мысли, что, верно, этот Эллер уже начал путать кино и действительность. Чего стоила только его неожиданная фраза «Будьте моей женой»!

А ведь действительно – как в кино. Был же фильм с Андреем Мироновым и Еленой Прокловой в главных ролях. Только название его – «Будьте моим мужем».

Вспомнив это, я как-то сразу успокоилась и заснула.

Глава 4

То, что проспала я от силы два часа, не помешало мне подняться рано: что-то словно толкнуло меня в бок, и я проснулась. За дверью слышались шаги и сдержанный кашель хозяина квартиры. Я оделась и вышла к нему.

– Как спалось, дорогая? – обратился он ко мне с такой улыбкой, что я сразу поняла: отвечать я должна не от имени Евгении Охотниковой, а уже как сама Алина Эллер.

– Да ты знаешь, Лео-Лео, как-то не очень спалось, – призналась я томно. – Тут у тебя в квартире... комары разные, мухи. А одна муха так и вовсе не муха, а дирижабль какой-то. Я ее все утро боялась.

– Какие еще мухи зимой? – весело спросил он.

– Ужасные! Они, наверное, на зимовку сюда залетели.

– Муха – не птица, – назидательно произнес Эллер, рассмеялся и скомандовал: – А теперь отбой, Евгения Максимовна. Можете говорить со мной от собственного имени. Вы блестяще вживаетесь в роль. Я, конечно, укажу вам за завтраком на ряд недоработок, но тем не менее – сыграно превосходно. Кстати, что вы такое говорили про мух и комаров? На улице – минус двадцать пять.

Я пожала плечами.

– Вы же сами просили, Леонард Леонтьевич, чтобы я выдавала какие-нибудь глупости в духе Алины. Вот и пожалуйста: сказано – сделано.

– А, вы в этом смысле... Ну что ж, хорошо.

– Леонард Леонтьевич, – произнесла я, – прежде чем я окончательно перейду к исполнению роли вашей жены, мне хотелось бы попросить вас о двух одолжениях.

– Пожалуйста, слушаю вас.

– Во-первых, Леонард Леонтьевич, моя тетушка, Людмила Прокофьевна, является большой вашей поклонницей и просила поставить автограф вот на этой книге – вашей автобиографии. Я ее вчера приобрела специально.

Эллер рассмеялся, довольный. Несмотря на то что он был убелен сединой и достиг в мире российского кинематографа практически всего, кажется, он остался тщеславным, как мальчишка, и падким на лесть и внимание.

– Ну, это запросто, – отозвался он. – Где книга? Ага! Как зовут вашу тетушку, Людмила Прокофьевна? – И он крупным, энергичным скачущим почерком надписал на титульном листе: «Милой Людмиле Прокофьевне от Леонарда Эллера с наилучшими пожеланиями». Затем поставил дату и расписался.

– Ну вот, теперь она вас и вовсе будет боготворить, – еще подпустила я лести. – Благодарю вас, Леонард Леонтьевич. А теперь – второе одолжение.

– Надеюсь, столь же приятное? – развалившись в кресле, спросил мэтр.

– Ну... дело в том, что мне совершенно необходимо съездить домой.

– Зачем? – спросил он.

– Мне нужно взять некоторые очень важные для работы вещи. Вы же понимаете, что, идя вчера на встречу с вами, я не предполагала такого неожиданного и скоростного развития событий и потому ничего не захватила.

Эллер постучал пальцем по столу и выговорил задумчиво:

– Мне не хотелось бы вас от себя отпускать. Но раз так... если это необходимо, то, конечно, вы можете ехать и взять из дому все, что требуется. Ну и, – он несколько принужденно улыбнулся, – отдадите тетушке книгу. Не таскать же вам ее с собой! Я думаю, Борис Оттобальдович сильно удивился бы, увидев у своей дочери книгу с автографом ее собственного мужа.

– Это да.

– Только, Женя, я хотел бы просить вас: не задерживайтесь. Сейчас около восьми утра, еще не совсем рассвело, так что в оптимале хотелось бы, чтоб вы обернулись до того, как окончательно взойдет солнце. И еще: постарайтесь как можно меньше попадаться на глаза кому бы то ни было в моем дворе.

У меня, естественно, возникли сомнения относительно последнего указания, но я не стала влезать в прения, а быстро оделась и, пообещав быть через час-полтора, поехала домой.

Несмотря на раннее время, тетушка уже проснулась. Она хлопотала на кухне, когда я вошла в квартиру.

– У-ух, холодно! – выдохнула я. – А тут просто теплынь.

– Оладышки жарю, Женечка! – откликнулась тетя Мила с кухни. – Хочешь оладышков? Или тебе что-нибудь поплотнее?

– Нет, я завтракала.

Тетушка дождалась, пока я войду на кухню, а потом живо развернулась ко мне и, оперев руки в бока, спросила с нескрываемым интересом:

– Ну и как прошла встреча с Эллером?

– Прекрасно, – ответила я. – Кстати, вот для тебя автограф. Посмотри первую страницу.

– «Милой Людми...» Спасибо, – кивнула тетя. – Ну и как он вживую?

– Да примерно такой же, что и на телеэкране. Приятный мужчина, конечно. Немножко болтливый, но это, наверное, общий грех для всех киношников. Compliments говорил.

Я хотела было сказать о «замужестве», но вовремя вспомнила предостережение Леонарда Леонтьевича: желательно, чтобы о нашем договоре знало минимальное количество людей. Тетушке же знать о нем совершенно необязательно, да и не умеет она хранить секреты, несмотря на юридическое свое образование.

– А что он тебе звонил? Предлагал работу?

– Да нет, – хитро ответила я, – можно сказать, что не предлагал. Долго объяснять, тетя Мила. Да и зачем? Ты же в любом случае станешь меня пилить – либо за легкомыслие, либо, напротив, за пуританство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.